

УДК 94(47).084+338.45(47+57)(09)

РОЛЬ ДИРЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В 1920–1930 ГОДЫ

В. А. Чолахян

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

В статье рассматривается роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920 – 1930-е гг. Анализируются идеи планового регулирования экономики в 1920-е гг. и эволюция ориентировочного планирования с его косвенными формами регулирования производства в директивное, обязательное для выполнения. Показывается, что непосредственным объектом общего регулирования, планирования и руководства стало отдельное промышленное предприятие, находившееся в полной зависимости от централизованного бюджетного финансирования.

Ключевые слова: директивное планирование, индустриализация, первая и вторая пятилетки, Госплан, ВСНХ.

The Role of Public Policy Planning in the Implementation of the Soviet Model of Industrialization in the 1920–1930s

V. A. Cholakhian

The article discusses the role of public policy planning in the implementation of the Soviet model of industrialization in 1920s and 1930s. It analyzes the ideas of planned regulation of the economy in the 1920s and the evolution of indicative planning, with its indirect forms of regulation of production in decision-making, obligatory for execution. It is shown that a separate industrial enterprise being in a state of complete dependence on centralized budgetary financing became the direct object of the General regulation, planning and management.

Key words: policy planning, industrialization, first and second five-year plan, Gosplan, Supreme economic Council.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-180-186

По мере восстановления промышленности и улучшения социально-экономической ситуации в России вопрос о путях дальнейшего развития приобретал особый интерес. Одной из сильных сторон большевистской доктрины стала идея превращения страны из аграрной в передовую индустриальную державу. Осознание большинством российского общества необходимости ликвидации экономического отставания от Запада делало курс на индустриализацию безальтернативным. «Против ставки на индустриализацию, как таковой, конечно, не может быть возражений, – писал в 1927 г. Н. Д. Кондратьев. – Индустриализация страны, – и это подтверждается исторически, – является необходимой предпосылкой повышения производительности всего народного хозяйства и повышения уровня благосостояния масс»¹.

Экономические успехи нэпа базировались исключительно на мобилизации накопленного ранее материального и интеллектуального потенциала царской России. Однако нэп имел свои пределы и противоречия, в которых большевики видели причины всех хозяйственных трудностей. В ходе острой внутривластной борьбы постепенно к концу 1920-х гг. не только решалась судьба нэповской модели развития, но и складывалась иная стратегия государственной импортозамещающей форсированной индустриализации, основанной на идее директивного планирования. Идеи планового регулирования экономики занимали немалое место в контексте борьбы за власть. Вопрос о соотношении плана и рынка в условиях существования подавляющего государственного сектора в промышленности постепенно приобретал особый интерес. Ещё в начале 1920-х гг. обозначилось размежевание в теоретическом споре двух экономических школ – «генетиков» и «теологов». К первым относились Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Гросман и другие, считавшие необходимым сохранение преемственности в экономическом развитии, соблюдение объективных тенденций при планировании в условиях незыблемости рыночных механизмов хозяйствования. В свою очередь, «теологи» в лице Г. Кржижановского, С. Струмилина, В. Милютина видели главное в планировании – цель, а потому склонялись к директивным методам управления экономикой. Спор между ними обобщил Струмилин: «Собственно говоря, против того, что в каждом плане должны сочетаться и научный прогноз, и целевые директивы или, как это по-иному выражается, и генетика, и теология, никто не спорит. Спор идёт лишь об относительном значении каждого из этих моментов в плановом деле. Одни высказываются за «примат» генетики над теологией. Другие наоборот... Находятся, наконец, и такие, которые вообще не придают этому спору никакого значения, признавая его чересчур академическим. Однако на деле, несмотря на весьма отвлечённую обстановку спора и сугубо философскую терминологию, речь идёт о таких проблемах, которые чреватые весьма немаловажными практическими последствиями»².

Действительно, к концу восстановительного периода, когда резервы были исчерпаны и страна столкнулась с необходимостью огромных инвестиций в народное хозяйство, полемика между «генетиками» и «теологами» из научной плоскости перешла в политическую.

В апреле 1925 г. приказом по Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) было образовано Особое совещание по воспроизводству основного капитала промышленности (ОСВОК) для составления пятилетних планов. За девять месяцев работы ОСВОКа, по воспоминаниям Н. Валентинова, было «сделано 592 доклада 430 докладчиками. Подавляющая масса их состояла из беспартийных специалистов – учёных, инженеров, техников, экономистов, статистиков»³. В том же году началась разработка пятилетнего плана и в Госплане, где «идея прямого регулирования хозяйствующих субъектов посредством плана являлась одним из базовых блоков системы централизованного планирования...»⁴

Такая постановка вопроса соответствовала идейным воззрениям левой оппозиции на план как директиву к исполнению. После завершения работы над контрольными цифрами на 1925/26 г. Госплан начинает играть роль фактического органа планирования. Струмилин так определил свой выбор в пользу директив: «Мы исходим из определённой целевой установки и пользуемся анализом социальных закономерностей лишь для проверки осуществимости поставленных перед собой заданий. Таким образом, по нашему мнению, всякого рода научные прогнозы для нас являются лишь служебным моментом, а целевые установки, которые мы ставим себе сознательно, директивным моментом, – при построении нашего плана...»⁵

В то же время возражения Юровского по докладу Госплана о контрольных цифрах народного хозяйства на 1926/27 г. в плане соблюдения пропорций и выяснения причин имеющихся диспропорций в экономике вызвали растущее неприятие со стороны сталинской группировки. Сталин в 1927 г. прямо заявил, что «наши планы есть не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы»⁶.

Разгром объединённой оппозиции на XIV съезде ВКП (б) позволил сторонникам Сталина подхватить знамя борьбы за директивный план. Ориентировочное планирование с его косвенными формами регулирования производства превращалось в директивное, а контрольные цифры после их утверждения становились обязательными для выполнения. Это требовало от Госплана большей и углубленной, а главное, точной проработки количественных объёмов производства каждого продукта и перспектив развития отдельных отраслей хозяйства. При этом планирование стало осуществляться от достигнутого.

Последнюю попытку сохранить рыночные отношения в экономике и снизить темпы индустриализации во имя сбалансированного развития народного хозяйства предприняли «правые» большевики. Они считали, что план должен быть «и предвидением (прогнозом), и директивной одновременно»⁷, что напоминало взгляды экономистов-«генетиков».

Примечательно, что очередным ходом Сталина в этой кампании стало «шахтинское дело», направленное на разгром кадров старых специалистов Донбасса, симпатизирующих «правым». Решением Политбюро от 15 марта 1928 г. в Донбасс были направлены Томский, Молотов и Ярославский, а Рыков выступил с докладом комиссии политбюро «О практических мероприятиях по ликвидации недостатков, обнаруженных в связи с шахтинским делом» на апрельском (1928 г.) Пленуме ЦК и ЦИК ВКП (б)⁸. Подтвердив связь инженерно-технических специалистов Донбасса с «польской разведкой», Рыков подчеркнул, что партия должна рассматривать эти вопросы с точки зрения нашей «большой политики»⁹.

Подобные заявления одного из лидеров «правых» отражали настроения определённой части большевистской партии, своевременно поддержанные Сталиным в обращении Политбюро: «Враги рабочего класса, бывшие шахтовладельцы и их антисоветские друзья из специалистов, ставшие потом техническими руководителями наших хозяйственных и плановых организаций, – поставили своей целью систематический срыв нашей строительной работы». Далее следовал вывод: «Весьма вероятно, что факты такого вредительства имеются и в других отраслях нашей промышленности»¹⁰.

Таким образом, Сталину при поддержке «правых» большевиков удалось не только разгромить старые «буржуазные» кадры, но и усилить социальную напряжённость в обществе, использовать её в целях поиска внутренних и внешних врагов народа. В такой социально-политической обстановке происходил, по мнению Н. В. Валентинова, «очень опасный перелом правительственной политики, уводящий её от нэпа в какую-то неизвестную, не обещающую ничего хорошего сторону»¹¹.

В соответствии с директивами XV съезда ВКП (б) в Госплане СССР была создана Центральная комиссия перспективного планирования (ЦКПП) во главе с Г. М. Кржижановским, а С. Г. Струмилин и Г. Ф. Гринько стали его заместителями¹². План развития народного хозяйства на 1928/29–1932/33 гг. составлялся в двух вариантах: отправной (минимальный) и оптимальный, на 20 % превосходивший задания первого. Параллельно продолжалась работа над «Контрольными цифрами пятилетнего плана промышленности ВСНХ СССР». В соответствии с решениями ноябрьского (1928 г.) Пленума ЦК ВКП (б) в середине декабря 1928 г. ВСНХ подготовил новый проект контрольных цифр на пятилетку, предусматривавший рост тяжёлой индустрии на 221 %, а лёгкой – на 130 %¹³.

Острая дискуссия между специалистами ВСНХ и Госплана по определению экономически обоснованных расчётов была разрешена на высшем политическом уровне. По настоянию Сталина в обоих вариантах пятилетнего плана Госплана были заложены завышенные данные, разработанные

ВСНХ. Несмотря на возражения Кржижановского и других учёных о несбалансированности оптимального варианта пятилетнего плана, 23 января 1929 г. на заседании правительства именно он был принят как директива к исполнению¹⁴.

В апреле 1929 г. XVI конференция ВКП (б) одобрила оптимальный вариант первой пятилетки, а V Всесоюзный съезд Советов в мае того же года окончательно утвердил «Пятилетний

народнохозяйственный план на период 1928/29–1932/33 гг.»¹⁵.

Однако вскоре и эти весьма высокие цифры пятилетнего плана показались Сталину низкими. В обстановке эйфории от первых успехов выполнения планов председатель ВСНХ Куйбышев в ноябре 1929 г. представил уточнённый вариант первой пятилетки, на порядок превосходивший утверждённые в апреле показатели (таблица).

Выработка промышленной продукции в натуральном виде¹⁶

Наименование	План		
	отправной	оптимальный	уточнённый
Нефть, млн т	19,0	21,7	41,4
Каменный уголь, млн т	68,0	75,0	120
Торф, млн т	9,4	12,3	33
Чугун, млн т	8,0	10,0	16
Сталь, млн т	8,3	10,4	19
Прокат, млн т	6,3	8,0	16
Паровозы, шт.	700	825	1800
Сельскохозяйственное машиностроение, млн руб.	525	610	1300
Тракторы, тыс. шт.	50,0	55,0	201
Выработка электроэнергии, млн квт. ч	17000	22000	35000

Приведённые цифры не имели ничего общего с научным экономическим планированием, а свидетельствовали о желании Сталина во что бы то ни стало укрепить своё положение в партии и окончательно добить оппозицию, противившуюся нереальным заданиям.

В основе принятого первого пятилетнего плана лежала концепция ускоренной индустриализации, предполагавшая приоритетное развитие отраслей тяжёлой индустрии: металлургической и топливной промышленности, машиностроения. Такая стратегия экономического развития должна была создать надёжную базу для производства продукции военного назначения. Директивный метод планирования позволял сконцентрировать материальные, финансовые и людские ресурсы на немногих решающих направлениях и широко использовать технику и технологии Запада для создания в стране современной индустрии. Не случайно предусматривался рост валовой продукции всей планируемой промышленности в 2,8 раза, а производство средств производства – в 3,3 раза, причём главная роль отводилась отраслям тяжёлой индустрии, на развитие которых направлялось 78% всех капиталовложений¹⁷.

Не менее важное влияние на формирование централизованной экономической системы оказал и внешний фактор: в условиях противостояния двух диаметрально противоположных политических и идеологических систем большевики рассматривали СССР как «осажденную крепость» в окружении капиталистического мира и стре-

мились в короткие сроки догнать экономически развитые страны. Интересна аргументация, с помощью которой Сталин обосновывал необходимость форсированной индустриализации. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹⁸.

Такая постановка вопроса в целом соответствовала, по мнению В. А. Красильщикова, и «оборонному сознанию» народа, сложившемуся за несколько веков, и архетипу культуры русского традиционного общества, которое привыкло искать врага¹⁹. Правда теперь эта внешняя угроза принимала классово-идеологическую окраску как противостояние между мировым капитализмом и рабоче-крестьянским государством. В российской действительности 1920-х гг. выбор мобилизационной модели ускоренной индустриализации был предопределён не столько политической волей Сталина, сколько объективными причинами и задачами, стоящими перед страной. Этот выбор в целом соответствовал социокультурным и государственным традициям страны.

В результате выбора стратегии форсированной индустриализации на основе жесткого регулирования и централизованного планирования в годы первой пятилетки определились контуры советской модели экономического развития страны. Резкое ограничение сферы действия товарно-денежных отношений и утверждение административно-командной системы управления сопровождалось возрастанием доли накопления в

национальном доходе от 10% в середине 1920-х гг. до 44% в 1932 г. В дальнейшем в 1930-е гг. она составляла 25–30%²⁰. Для решения проблемы накоплений власти пошли на увеличение денежной эмиссии. Так, в 1929 г. рост денежной массы составил уже 800 млн руб., а в 1932 г. – 2,7 млрд руб. Высокая инфляция сопровождалась ростом цен свободного рынка. В том же 1932 г. их уровень в 8 раз превысил уровень 1928 г.²¹ Другими источниками пополнения бюджета стали добровольно-принудительные «займы индустриализации» и значительное расширение продажи водки. «Надо отбросить ложный стыд, – советовал Сталин Молотову в письме от 1 сентября 1930 г., – и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет действительной и серьезной обороны страны»²². И хотя еще летом 1930 г. Политбюро отклонило предложение Наркомфина о повышении цен на водку²³, решением от 15 сентября того же года Политбюро «предложило СНК СССР принять необходимые меры к скорейшему увеличению выпуска водки»²⁴.

Это создавало материально-ресурсные и финансовые возможности для дальнейшего развития системы приоритетов: огромные капиталовложения в тяжелую промышленность в ущерб уровню жизни населения, поскольку производство товаров народного потребления отодвигалось на второй план.

В целом же промышленное производство развивалось преимущественно экстенсивно за счет строительства новых предприятий и опережающего роста численности работающих по сравнению с увеличением промышленной продукции. Форсирование индустриализации с ее бесконечными импровизациями привели страну в перманентное состояние мобилизации и штурмовщины, усилили кризисные явления, а также способствовали укреплению административно-командной системы управления экономикой. Она основывалась на государственной собственности, «научном планировании» и централизованном ведении хозяйства.

Высшей инстанцией, в конечном счете определявшей принципы экономической политики, было Политбюро, которое, в свою очередь, руководствовалось мнением Сталина. Управление социалистическим народным хозяйством, прежде всего промышленностью, осуществлялось в соответствии с задачами экономического развития, определенными еще в резолюции XVI конференции ВКП (б) в апреле 1929 г., а именно «по линии децентрализации оперативных функций при одновременной централизации планирования и руководства в основных вопросах, по линии создания условий, обеспечивающих как разработку твердых и своевременных планов, так и их полное выполнение»²⁵. ВСНХ превратился в орган не только планово-экономического руководства промышленностью, но также и в институт, определявший техническую политику развития всего

народного хозяйства. В результате осуществления в 1929–1932 гг. кредитной, налоговой и тарифной реформ сфера действий товарно-денежных отношений была значительно ограничена, а частный капитал практически полностью вытеснен из различных секторов экономики.

Непосредственным объектом общего регулирования, планирования и руководства стало отдельное промышленное предприятие (при нэпе им был трест). Ориентация экономики на приоритетное развитие тяжелой индустрии и формирование новых отраслей промышленности привели к росту числа наркоматов, главных управлений и объединений, что, в свою очередь, вошло в противоречие как с множественностью инстанций, так и с функциональным принципом управления в целом.

Одновременно все более формальным становился хозрасчет: предприятия отчисляли практически всю прибыль в госбюджет и находились в полной зависимости от централизованного бюджетного финансирования. Основное внимание всех хозяйственных организаций было сосредоточено на выполнении сверхвысоких планов, а хозрасчету отводилась роль идеологической обработки рабочих. Выступая на XVII конференции ВКП (б) в январе – феврале 1932 г., Орджоникидзе отмечал, что «на протяжении последних лет хозрасчет у нас почти целиком исчез»²⁶. На той же конференции в качестве главных недостатков в управлении промышленностью указывались «громоздкость и оторванность руководящих хозорганизаций от предприятий, недостаточно конкретное руководство предприятия со стороны объединений»²⁷.

Кардинальные изменения системы управления промышленностью разворачивались в направлении отраслевой централизации и были связаны, прежде всего, с преобразованием ВСНХ в отраслевой орган управления: в 1932 г. из его состава выделились два народных комиссариата – легкой и лесной промышленности, а сам он стал базой для образования крупнейшего промышленного наркомата страны – тяжелой промышленности (НКТП)²⁸.

В результате проведенной в конце 1932 г. реорганизации в составе системы управления промышленностью были выделены следующие основные организационные и производственные единицы: промышленные наркоматы и отраслевые главные управления, тресты и промышленные предприятия²⁹. Реорганизация ВСНХ повлекла за собой преобразование республиканских, областных и краевых Советов народного хозяйства в соответствующие наркоматы или управления, т. е. фактически органы отраслевого значения, действовавшие на определенной территории.

Целесообразность производственно-отраслевого принципа управления промышленностью нашла подтверждение в директивах XVII съезда ВКП (б) и получила законодательное выражение

в совместном Постановлении ЦИК и СНК СССР от 15 марта 1934 г.³⁰ Центральный аппарат, руководивший государственным сектором экономики, был построен иерархически и включал несколько уровней управления: правительство, наркоматы, главки, тресты и предприятия. Функциональная часть аппарата управления была ограничена плановыми и технико-экономическими задачами. Взаимоотношения функциональных и отраслевых подразделений воспроизводились на каждом новом иерархическом уровне. Отраслевые подразделения управления были призваны руководить отдельными отраслями, а на функциональные возлагалась задача согласования работы отраслевых органов³¹.

Эффективность работы многоуровневой командной системы управления экономикой определялась с точки зрения успешности выполнения плановых заданий. Последние в силу их нереалистичности и сверхнапряженности по всем показателям было выполнить сложно. Это заставляло руководство наркоматов и главков выбирать приоритетные задачи, в частности, первоочередное выполнение программы в отраслях, считавшихся наиболее важными и, прежде всего, по валовым показателям.

Центр требовал с подчиненных в первую очередь достижения количественных параметров в натуральном и денежном выражении, что достигалось за счет невыполнения плана по качественным показателям: себестоимости, экономии ресурсов, ассортименту и т. д. Это в порядке критики и самокритики признавали и сами хозяйственники, а проводимые по инициативе центра шумные кампании по повышению качества продукции, производительности труда и снижению себестоимости давали лишь временный эффект, поскольку вал оставался основным приоритетом экономической модели. В отличие от рыночной экономики, основанной на свободной конкуренции, максимализации потребления и прибыли, советская плановая система с ее нерыночным характером и внеэкономическим принуждением к труду ориентировалась на экстенсивный экономический рост и была подчинена политическим интересам правящей элиты. Выполнение плана «любой ценой» для хозяйственных руководителей всех рангов в 1930-е гг. являлось важнейшим фактором не только успешной карьеры и благосостояния, но и служило эффективной защитой от возможных репрессий со стороны центра.

Между тем уже в годы первой пятилетки обнаружилось основное противоречие советской планово-распорядительной системы: сверхамбициозность провозглашаемых планов и реальные возможности их выполнения³². Отражением этого противоречия стал экономический кризис, охвативший страну на рубеже первой и второй пятилеток и обусловивший поворот к более умеренному и сбалансированному курсу.

В ходе составления второго пятилетнего плана в 1931 г. стали вырисовываться противоречия

между форсированным развитием и потребностью в экономическом равновесии. Выступая 11 мая 1931 г. на заседании Президиума Госплана, Куйбышев предложил увеличить производство чугуна к 1937 г. до 60 млн т, что свидетельствовало о полной приверженности сверхамбициозным программам первой пятилетки³³.

Однако летом 1931 г. долгосрочные планы были пересмотрены. 11 августа 1931 г. Куйбышев направил в Политбюро и СНК СССР две докладные записки – «Основные линии второй пятилетки» и «О темпах развития металлургии во второй пятилетке», в которых, в связи с «обострившимися хозяйственными трудностями», предлагалось значительно снизить задания пятилетки. В частности, задание по производству чугуна во второй пятилетке предлагалось уменьшить до 45 млн т, а производство предметов народного потребления увеличить³⁴.

Проект «Основных линий второй пятилетки» был рассмотрен в августе 1931 г. на совещаниях при Политбюро, а затем в Совнаркоме СССР. В ходе обсуждения планов возобладал реализм, в частности, предлагалось еще большее сокращение производства чугуна к 1937 г. – до 25–30 млн т. Участники совещания решили также запросить мнение отсутствовавших И. В. Сталина и В. М. Молотова. Вскоре те же совещания приняли предложение Сталина об установлении «по выпуску чугуна точной цифры 25 млн т в последний год пятилетки»³⁵.

Первый вариант нового пятилетнего плана был подготовлен к XVII конференции ВКП (б) (февраль 1932 г.). В соответствии с директивами конференции намечалось дальнейшее сокращение плана на 1937 г. по чугуну до 22 млн т, а также сравнительно низкие темпы увеличения капитальных вложений на всю пятилетку (140–150 млрд руб.)³⁶.

Другой характерной чертой этой версии второго пятилетнего плана была радикальность предложенных более высоких среднегодовых темпов прироста производства предметов потребления по сравнению с увеличением производства средств производства. Согласно резолюции, «обеспечение населения основными потребительскими товарами, и в том числе предметами питания, должно к концу второй пятилетки увеличиться не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки»³⁷.

Следующим шагом к разработке умеренных темпов индустриализации стали решения январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП (б). Выступление Сталина на Пленуме ознаменовало серьезный отход от амбициозных планов предыдущих лет и содержало идеологическое обоснование снижения темпов. Он лукаво заявил, что ввиду достигнутых успехов нет необходимости «подхлестывать и подгонять страну»: «Я думаю, что для второй пятилетки придется взять 13–14% ежегодного прироста промышленной продукции в среднем, как минимум»³⁸.

В течение 1933 г. продолжалась подготовка директив второго пятилетнего плана и к открытию XVII съезда ВКП (б) была представлена новая его версия: среднегодовые темпы промышленного роста – 19%, инвестиции за пятилетие – 133,4 млрд руб.³⁹ В ходе обсуждения этих вопросов на съезде состоялся некий компромисс: по предложению Орджоникидзе были сокращены годовые темпы роста промышленности до 16,5% при сохранении высоких капиталовложений, а объем производства чугуна в 1937 г. установлен в 16 млн т⁴⁰. Молотов оценил принятые решения о снижении темпов роста как проявление «большевистской осторожности, которая требует серьезно учета всей обстановки, в которой мы живем»⁴¹.

Вместе с тем он заявил, что «в наших годовых планах во второй пятилетке мы должны обеспечить не только выполнение, но и перевыполнение заданий второй пятилетки»⁴². Подобные заявления руководителя СНК свидетельствовали о том, что происходившие в 1932–1934 гг. существенные перемены в планировании в сторону более реалистичных цифр экономического роста не были результатом принципиально новой политики, неонэпа, а стали вынужденным ответом на обостряющийся кризис. По мере стабилизации экономики в 1934–1935 гг. вновь наметился поворот «генеральной линии» в сторону увеличения капитальных вложений и контрольных цифр. В декабре 1935 г. Политбюро одобрило директивы плана на 1936 г., предусматривавшие прирост промышленной продукции на 23%, а также завышенные задания по капиталовложениям – 31,6 млрд руб.⁴³ Такой поворот был связан, прежде всего, с развертыванием стахановского движения и массовым пересмотром норм, позволивших выявить значительные резервы производственных мощностей всех отраслей народного хозяйства.

Однако стахановское движение с самого начала вошло в противоречие с логикой развития планово-распределительной системы и вызвало многочисленные проблемы: нарушения производственного процесса, перерасход сырья и материалов, износ оборудования, падение качества, диспропорции между отдельными отраслями и т. д. Нарастание производственных трудностей в очередной раз заставило руководство страны проявить некоторый реализм и относительную осмотрительность. План на 1937 г. предусматривал увеличение промышленной продукции на 20,8 % в сравнении с 30,1 %, планируемых в 1936 г.⁴⁴ Объем капиталовложений был на 10 % ниже ожидаемых результатов 1936 г. в текущих ценах⁴⁵.

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод: хотя качество планирования в сравнении с началом 1930-х гг. улучшилось, все еще сохранялись многие беды начального периода советского планирования: запоздалое утверждение годовых планов, частая их корректировка в течение года, слабая обоснованность плановых заданий и т. д.

Примечания

- 1 Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. С. 141.
- 2 Струмилин С. Г. Советская социалистическая экономика. 1917–1957. М., 1957. С. 73–74.
- 3 Валентинов Н. В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 236–238.
- 4 Май В. А. Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993. С. 188–189.
- 5 О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР : Дискуссия в Коммунистической академии. Изд. 2-е. М., 1928. С. 34–35.
- 6 Сталин И. В. Сочинения : в 16 т. М., 1951. Т. 12. С. 143.
- 7 Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 465.
- 8 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 677. Л. 5 ; Оп. 2. Д. 354, вып. II. Л. 4.
- 9 Там же. Вып. II. Л. 4.
- 10 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 676. Л. 3.
- 11 Валентинов Н. В. Указ. соч. С. 356.
- 12 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 26. Д. 90. Л. 1–2, 74–75.
- 13 См.: Торгово-промышленная газета. 1928. 15 декабря.
- 14 См.: Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 323.
- 15 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. : в 16 т. М., 1983. Т. 4. С. 248–253 ; V съезд Советов : Стенографический отчет. М., 1929. С. 244.
- 16 Таблица составлена по : Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР : в 3 т. М., 1929. Т. 2, ч. 1. С. 254, 255 ; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26. Д. 66. Л. 46–48, 62–64 ; Оп. 26. Д. 43. Л. 26 ; Оп. 29. Д. 95. Л. 141–143.
- 17 См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 449–450, 453.
- 18 Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. С. 248.
- 19 См.: Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком : Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 90.
- 20 См.: Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. М., 1969. С. 109.
- 21 История России : в 2 т. Т. 2. С начала XIX в. до начала XXI века. М., 2005. С. 576.
- 22 Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. : сб. документов. М., 1995. С. 210.
- 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 788. Л. 5.
- 24 См.: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову... С. 211.
- 25 КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 230.
- 26 Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи : в 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 352.
- 27 КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 24.
- 28 См.: Постановление ЦИК и СНК СССР «Об образовании народных комиссариатов тяжелой, легкой и лесной промышленности» // СЗ СССР. М., 1932. № 1. С. 4.
- 29 См.: Веденеев Ю. А. Организационные реформы госу-

- дарственного управления промышленностью (историко-правовое исследование). М., 1984. С. 170.
- ³⁰ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 2 т. М., 1967. Т. 2. С. 464–466 ; СЗ СССР. 1934. № 15. Ст. 103.
- ³¹ См.: *Маркевич А. А.* Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. // Экономическая история : ежегодник. 2004. М., 2004. С. 119.
- ³² См.: *Соколов А. К.* Курс советской истории 1917–1940. М., 2003. С. 87.
- ³³ См.: Плановое хозяйство. 1931. № 2. С. 12.
- ³⁴ См.: *Кузьмин В. И.* Борьба за социалистическую реконструкцию. 1926–1937 гг. Экономическая политика советского государства. М., 1976. С. 187–188.
- ³⁵ Там же. С. 188.
- ³⁶ XVII конференция ВКП (б) : стеногр. отчет. М., 1932. С. 149, 170.
- ³⁷ КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 393.
- ³⁸ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 185–186.
- ³⁹ См.: *Девис Р., Хлевнюк О. В.* Вторая пятилетка : механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 37.
- ⁴⁰ См.: КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 37 ; XVII съезд ВКП (б) : стенограф. отчет. М., 1934. С. 435–436.
- ⁴¹ XVII съезд ВКП (б) : стенограф. отчет. С. 523.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 973. Л. 43–46, 60–63.
- ⁴⁴ См.: Народнохозяйственный план Союза ССР на 1937 г. М., 1937. С. 36.
- ⁴⁵ См.: *Девис Р., Хлевнюк О. В.* Указ. соч. С. 106.

Образец для цитирования:

Чолахян В. А. Роль директивного государственного планирования в реализации советской модели индустриализации в 1920–1930-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 180–186. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-180-186.

Cite this article as:

Cholakhian V. A. The role of public policy planning in the implementation of the soviet model of industrialization in the 1920–1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 180–186 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-2-180-186.
